

народа, чтобы понять и выразить его еще неясные стремления. И он кончил тем, что соединился с Горою, чтобы погубить Жака Ру и «бешеных» вообще.

Бийо-Варенн понимал, по-видимому, лучше других «горцев» необходимость глубоких перемен в коммунистическом направлении. Он сознавал одно время, что рука об руку с республиканской революцией должна была идти социальная революция. Но он также не имел мужества стать борцом за эту идею. Он вошел в правительство и кончил тем, что стал говорить, как другие монтаньяры: *«Сперва республика - социальные меры придут позже»*. На этом ложном понимании революционной задачи погибли монтаньяры, и на том же погибла республика.

Факт тот, что с первых же своих шагов республика пробудила столько личных интересов, что они не могли дать развиваться коммунизму. Против воззрений коммунистов на земельную собственность стояли все выгоды буржуазии, набросившейся на разграбление национальных имуществ, полученных в продажу.

В этой продаже законодатели Учредительного и Законодательного собраний видели только средство обогатить буржуазию на счет духовенства и дворянства. О народе они мало думали. А так как государство терпело страшную нужду в деньгах, то с августа 1790 по июль 1791 г. эти имущества продавались «с яростью» буржуазии, крестьянам побогаче и даже английским и голландским компаниям, покупавшим земли с целью спекуляции. При этом, когда покупатели, заплатившие при покупке не более 20 или даже 12 % покупной цены, должны были сделать следующий взнос, они выискивали всякие предлоги, чтобы ничего не вносить, и очень часто успевали в этом.

Впрочем, так как крестьяне громко жаловались на то, что им ничего не доставалось из этих земель. Законодательное собрание в августе 1792 г., а потом и Конвент своим декретом 11 июня 1793 г. (см. главу XLVIII) бросили им на разживу общинные земли, т. е. единственную опору бедных крестьян¹. Кроме того, Конвент обещал, что земли, конфискованные у эмигрантов, будут разбиты на участки от полудесятины до двух десятин, чтобы продавать их бедным крестьянам, которые держали бы их в аренде с правом выкупить эту аренду во всякое время. Конвент постановил даже в конце 1793 г., что для волонтеров-санкюлотов, записавшихся в армию, будет выделено на 1 млрд. национальных имуществ, чтобы волонтеры могли покупать их на выгодных условиях. Но ничего положительного не было сделано. Этот декрет, как и многие другие декреты того времени, остался без исполнения.

Когда Жак Ру пришел в Конвент 25 июня 1793 г., т. е. меньше четырех недель после движения 31 мая, и говорил от имени своей секции против спекуляторов ассигнациями и жизненными припасами, требуя законов против них, его речь была принята дикими завываниями законодателей. Его выгнали из Конвента, провожая криками и угрозами². А так как он нападал на монтаньярскую конституцию и пользовался сильным влиянием в своей секции Гравилье и в Клубе кордельеров, то Робеспьер, который никогда не показывался в этом клубе, отправился туда 30 июня (после бунтов 26 и 27 июня против торговцев мылом) по поручению Клуба якобинцев. Он явился у кордельеров в сопровождении Эбера и Колло д'Эрбуа и добился, чтобы Ру и его товарищ Варле были вычеркнуты из списков клуба.

С тех пор Робеспьер неустанно клеветал на Ру. Так как Ру случалось критиковать бесплодность революции для народа и говорить (как это случается с социалистами и в наши дни), что при респуб-

---

¹ Большинство историков видели в этом мере, выгодную для крестьян. В действительности же она лишала бедных крестьян единственной оставшейся для них земли. Вот почему это распоряжение встретило в деревнях такое сопротивление.

² «Одним богатым, — говорил Жак Ру, — пошла на пользу за эти четыре года революция; нас притесняет теперь торговая аристократия, еще худшая, чем аристократия дворянская, и мы не видим конца их прижимкам, так как цены на все товары растут в ужасающей пропорции. Пора, однако, положить конец этой борьбе на жизнь и смерть, которую эгоизм ведет против рабочего класса... Неужели собственность плутов священнее жизни людей? Необходимо, чтобы жизненные припасы могли подлежать реквизиции администрацией, точно так же, как в ее распоряжении находится войско». Ру упрекал затем Конвент в том, что он не конфисковал состояний, нажитых во время революции банкирами и скупщиками-спекуляторами, и он прибавлял, что насильственный заем, который Конвент велел сделать у богатых, *«капиталисты и купцы завтра же взыщут с санкюлотов при помощи монополии искусственного подъема цен»*, если монополия торговли и спекуляции останутся тем, чем были до сих пор. Он прекрасно понимал опасность, которую представляла эта монополия для революции, и говорил: *«Спекуляторы забирают в свои руки мануфактуры, морские порты, все отрасли торговли, все продукты земли, чтобы морить голодом и холодом друзей справедливости и толкать их в руки деспотизма»* (я цитирую по тексту речи Ру, найденному Бернар Лазаром и напечатанному у Жореса. См.: *Jaures J. Histoire Socialiste*, v. 3-4. La Convention).